

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

Дело «Искандаров против России»

Жалоба № 17185/05

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА

СТРАСБУРГ

23 сентября 2010 г.

Данное постановление становится окончательным при соблюдении условий п. 2 ст. 44 Конвенции. Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле «Искандаров против России»

Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) (Первая секция), заседая Палатой в следующем составе:

Х. Розакис, *Председатель Палаты,*

Н. Вайич,

А. Ковлер,

Д. Шпильманн,

С.Э. Йебенс,

Дж. Малинверни,

Дж. Николау, *судьи,*

а также при участии С. Нильсена, *Секретаря Секции Суда,*

на совещании за закрытыми дверями 2 сентября 2010 г.

принял следующее постановление указанного выше числа:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой, поданной 6 мая 2005 г. в Европейский Суд против Российской Федерации в соответствии со ст. 34 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Республики Таджикистан М. Искандаровым (далее - заявитель).

2. Интересы заявителя в Европейском Суде представляла К.А. Москаленко, адвокат, практикующий в г. Москве. Власти Российской Федерации были представлены в Европейском Суде Г. Матюнткиным, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 30 мая 2008 г. Председатель Первой секции коммуницировал Жалобу властям Российской Федерации. Согласно положениям п. 1 ст. 29 Конвенции, Председатель Первой секции также решил рассмотреть жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель, 1954 года рождения, проживает в Душанбе.

А. Изложение событий, представленное заявителем

1. Предыстория дела

5. В мае 1992 г. в Таджикистане началась гражданская война. Этнические группы, недостаточно представленные в составе правящей элиты, подняли восстание против правительства Президента Набиева. Политически недовольные группы были представлены либеральными демократами-реформистами и исламистами, которые сражались вместе и позднее организационно оформились под знаменем Объединенной таджикской оппозиции (далее - ОТО). К июню 1997 г. было убито от пятидесяти до ста тысяч человек.

6. Во время гражданской войны в Таджикистане заявитель являлся одним из лидеров ОТО.

7. 27 июня 1997 г. Президентом Рахмоновым и лидером ОТО было подписано мирное соглашение. Заявитель был назначен главой Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям и гражданской обороне Таджикистана. Находясь на данной должности, он получил звание генерал-майора.

8. В 1999 г. Президент Таджикистана назначил заявителя директором унитарного предприятия «Таджиккоммунсервис».

9. 13 сентября 1999 г. заявитель был избран председателем Демократической партии Таджикистана.

10. 4 июня 2001 г. заявитель был назначен директором унитарного предприятия «Таджикгаз».

11. В определенный период времени заявитель открыто критиковал деятельность президента Таджикистана.

12. 1 декабря 2004 г. заявитель переехал в Российскую Федерацию.

2. Обвинения против заявителя и производство по его экстрадиции

13. 25 ноября 2004 г. Генеральная прокуратура Таджикистана заочно предъявила заявителю обвинения в терроризме, бандитизме, незаконном хранении оружия, а также растрате государственных средств.

14. 26 ноября 2004 г. власти Таджикистана избрали в отношении заявителя меру пресечения в виде заключения под стражу.

15. 29 ноября 2004 г. заявитель был объявлен в международный розыск.

16. 1 декабря 2004 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации получила запрос Генеральной прокуратуры Таджикистана о выдаче заявителя.

17. 9 декабря 2004 г. власти Российской Федерации задержали заявителя на основании запроса о его выдаче.

18. В неустановленный день заявитель был помещен в следственный изолятор ИЗ-77/4 г. Москвы.

19. 23 декабря 2004г. Бабушкинский районный суд г.Москвы санкционировал содержание заявителя под стражей до его экстрадиции.

20. 24 декабря 2004 г. заявитель обжаловал решение суда первой инстанции. В неустановленный день Московский городской суд оставил его жалобу без удовлетворения.

21. 29 декабря 2004 г. и 18 января 2005 г. заявитель обратился в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с просьбой не осуществлять его выдачу Таджикистану, утверждая, что запрос на его экстрадицию был направлен исключительно по политическим мотивам.

22. В январе 2005 г. заявитель обратился в Управление по делам миграции Московского управления внутренних дел по поводу признания его беженцем на территории Российской Федерации.

23. 1 апреля 2005 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации отклонила запрос властей Таджикистана на экстрадицию заявителя на основании того, что он подал ходатайство о признании его беженцем.

24. 4 апреля 2005 г. прокурор Бабушкинского района, г. Москвы вынес постановление об освобождении его из-под стражи.

3. Похищение заявителя и его отправка в Таджикистан

25. После своего освобождения 4 апреля 2005 г. заявитель остановился в квартире своего друга в г. Королеве Московской области, ожидая рассмотрения своего ходатайства о признании его беженцем.

26. Вечером 15 апреля 2005 г. заявитель и его друг, гражданин Л., гуляли с собакой. В какой-то момент заявитель заметил двух человек в форме Государственной инспекции безопасности дорожного движения Российской Федерации (далее - ГИБДД). Он посчитал, что указанные лица намеревались его задержать, и предложил своему другу пройти в дом. Затем заявитель заметил, что территорию окружили двадцать пять или тридцать человек славянской внешности в гражданской одежде.

27. Не представившись и ничего, не объясняя, двое людей в форме ГИБДД с помощью нескольких лиц в гражданской одежде надели на заявителя наручники. Один из людей ударил заявителя по голове и поместил его в автомобиль, который затем отъехал. Примерно через 400 или 500 метров автомобиль остановился, люди в форме ГИБДД вывели заявителя из машины и поместили его в микроавтобус.

28. Микроавтобус отъехал на некоторое расстояние. Через некоторое время он остановился, и заявителя вывели наружу. Местность оказалась ему неизвестной. Заявителя отвели в сауну и там заперли. Охранники избили заявителя. Он просил предоставить ему адвоката, однако этого сделано не было.

29. 16 апреля 2005 г. заявителя отвели в лес. Задержавшие его люди встретились с группой лиц, с которыми некоторое время беседовали. Послушав их разговор, заявитель предположил, что прибывшие лица являлись сотрудниками российских правоохранительных органов.

30. Далее сотрудники надели на заявителя маску. Они не представились и своих действий не объяснили. Говорили они на русском языке, без акцента.

31. Позднее они забрали заявителя с собой и доставили его в аэропорт. Документы у заявителя не проверялись. При посадке на самолет заявитель

слышал, как сотрудники разговаривали с женщиной, которая, очевидно, их знала. В ходе полета заявитель, находясь по-прежнему в перекрывающей обзор маске, никаких указаний или иной информации, обычно объявляемой в гражданском самолете, не слышал.

32. Утром 17 апреля 2005 г. самолет приземлился в аэропорту Душанбе, после чего заявитель был передан правоохранительным органам Таджикистана.

4. Содержание заявителя под стражей в Таджикистане

33. 17 апреля 2005 г. заявитель был помещен в следственный изолятор Министерства безопасности Таджикистана. Он содержался в камере размером 2,3 "х 2 м. В камере находилась железная кровать с грязным постельным бельем.

34. В течение первых десяти дней содержания под стражей заявитель был зарегистрирован под ложной фамилией «Собйров». В течение указанного периода времени сотрудники изолятора регулярно избивали заявителя. Никакого питания, кроме двух кусков хлеба в день и небольшого количества воды, он не получал. Туалетом ему разрешалось пользоваться только один раз в день.

Выходить на прогулку или мыться заявителю позволено не было.

35. На десятый день содержания заявителя под стражей сотрудники Генеральной прокуратуры Таджикистана сообщили ему о том, что, если он не признается, то будет убит. Под давлением заявитель дал показания против самого себя. Ему давали какие-то таблетки, предположительно - психотропного характера.

36. 25 апреля 2005 г. Генеральная прокуратура Таджикистана провела пресс-конференцию и объявила о том, что заявитель был задержан в Таджикистане 22 апреля 2005 г.

37. 30 апреля 2005 г., впервые с момента задержания, заявителю было разрешено увидеться с адвокатами. Он сообщил им о том, что в течение тринадцати дней содержался под стражей на хлебе и воде, без связи с внешним миром. Посещения адвокатов проходили в присутствии сотрудников изолятора. Посещения без наблюдения сотрудников изолятора не допускались.

38. 5 октября 2005 г. Верховный суд Таджикистана признал заявителя виновным и приговорил его к двадцати трем годам лишения свободы.

39. 18 января 2006 г. Кассационная коллегия Верховного суда Таджикистана оставила приговор от 5 октября 2005 г. в силе.

5. Жалобы, направленные российским органам власти

40. 2 мая 2005 г. Президиум Демократической партии Таджикистана обратился к Президенту Российской Федерации, в Генеральную прокуратуру Российской Федерации и - к Уполномоченному по правам человека Российской Федерации с просьбой прояснить обстоятельства незаконной экстрадиции заявителя.

41. 3 мая 2005 г. родственники заявителя обратились в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с требованием объяснить, каким образом заявитель был перемещен в Таджикистан. Заявление осталось без ответа.

42. 30 мая 2005 г. адвокаты заявителя обратились в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с просьбой дать ответ о результатах проведенной проверки в связи с заявлением от 3 мая 2005 г.

43. 14 июня 2005 г. адвокаты заявителя обратились в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с жалобой на незаконность похищения и экстрадиции заявителя.

44. 22 июня 2005 г. адвокаты заявителя обратились в Тверской районный суд г. Москвы с жалобой на бездействие Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Суд оставил жалобу без рассмотрения.

45. 15 июня 2005 г. адвокаты заявителя обратились в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с жалобой на предположительно неэффективное расследование обстоятельств незаконной экстрадиции заявителя.

46. 20 июня 2005 г. прокуратура г. Королева отказала возбудить уголовное дело по факту похищения заявителя.

47. 6 июля 2005 г. Королёвской городской прокуратурой постановление от 20 июня 2005 г. было отменено и возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (похищение человека с отягчающими обстоятельствами).

48. 8 сентября 2005 г. представители заявителя подали в Тверской районный суд г. Москвы вторую жалобу. 28 сентября 2005 г. жалоба была оставлена без удовлетворения.

49. 16 сентября 2005 г. адвокат заявителя обратился в Королёвскую городскую прокуратуру с ходатайством направить запрос властям Таджикистана о выдаче заявителя в Россию для дачи им показаний. 19 сентября 2005 г. ходатайство было отклонено. Адвокаты заявителя безуспешно обжаловали данное постановление в прокуратуре Московской области.

50. Заявитель лично обратился в прокуратуру г. Королева с ходатайством о допросе его в качестве потерпевшего на территории Российской Федерации.

51. 6 октября 2005 г, прокуратура г. Королёва оставила ходатайство заявителя без удовлетворения. Адвокаты заявителя обжаловали отказ в суде.

52. 24 апреля 2006 г. Королёвский городской суд оставил жалобу без удовлетворения на основании того, что заявителю было отказано в привлечении к участию в деле в качестве потерпевшего. Вышеуказанное постановление суда было отменено. 25 сентября 2006 г. Московский областной суд в кассационном порядке оставил жалобу без удовлетворения на том основании, что права заявителя нарушены не были.

53. 12 декабря 2005 г. Московский городской суд в кассационном порядке оставил жалобу на бездействие Генеральной прокуратуры Российской Федерации без удовлетворения.

54. 27 марта 2006 г. Тверской районный суд г. Москвы оставил жалобу заявителя на бездействие Генеральной прокуратуры Российской Федерации без удовлетворения. 23 мая 2006 г. Московский городской суд оставил вышеуказанное судебное постановление без изменения.

55. 6 апреля 2006 г. адвокаты заявителя подали жалобу на постановление прокурора в суд. 25 сентября 2006 г. их кассационная жалоба в Московском областном суде была оставлена без удовлетворения.

6. Рассмотрение дела Верховным комиссаром ООН по правам человека

56. В ноябре 2004 г. двое таджикских адвокатов направили Верховному комиссару ООН по правам человека (далее - ВКПЧ) жалобу на предполагаемые нарушения прав заявителя в ходе рассмотрения уголовного дела в его отношении на территории Таджикистана.

57. 20 октября 2005 г. Рабочая группа по произвольным задержаниям Управления ВКПЧ поставила связанные с задержанием заявителя вопросы перед властями Республики Таджикистан.

58. 24 ноября 2005 г. Министерство иностранных дел Республики Таджикистан в ответ на запрос Управления ВКПЧ представило документ на семнадцати страницах, на русском языке, с описанием обвинений против заявителя и процесса производства по делу в его отношении. В имеющей отношение к настоящему делу части документ гласит:

«... [в] соответствии с Минской конвенцией гражданин Искандеров был задержан российскими правоохранительными органами в г. Москве в декабре 2004 г.

В ответ на запросы Генеральной прокуратуры Российской Федерации Генеральная прокуратура Таджикистана в пределах установленных Минской конвенцией сроков представила необходимые документы в отношении экстрадиции Искандарова властям Таджикистана, а также подробное подтверждение виновности Искандарова в совершении преступлений, в которых он обвинялся.

После чего Генеральная прокуратура Российской Федерации сообщила властям Таджикистана о том, что по вопросу экстрадиции Искандарова будет принято положительное решение.

Следует отметить, что 4 апреля 2005 г. российские правоохранительные органы освободили гражданина Искандарова из-под стражи до принятия решения о его экстрадиции, однако, официально Генеральную прокуратуру Таджикистана об основаниях и причинах освобождения в рамках Минской конвенции не уведомляли.

Гражданин Искандаров был российскими правоохранительными органами официально экстрагирован властям Таджикистана и 17 апреля 2005 г. помещен в следственный изолятор Министерства безопасности Таджикистана.»

59. 29 сентября 2006 г. Управление ВКПЧ направило письмо Министерства иностранных дел Таджикистана таджикскому адвокату заявителя и уведомила ее о том, что для рассмотрения дела заявителя на 47-й сессии соответствующая Рабочая группа ожидает получить от нее комментарии по указанному письму.

60. Как следует из материалов дела, вопрос в отношении предположительных нарушений прав заявителя в Таджикистане все еще находится на рассмотрении ВКПЧ.

В. Изложение событий, представленное властями Российской Федерации

61. 1 декабря 2004 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации получила от прокуратуры Таджикистана запрос на экстрадицию заявителя.
62. 9 декабря 2004 г. заявитель был арестован в г. Москве.
63. 17 декабря 2004 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации получила официальный запрос на экстрадицию заявителя, в котором указывались обвинения в терроризме, бандитизме, незаконном хранении оружия, растрате госсобственности, а также незаконном найме телохранителей.
64. 1 апреля 2005 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации отказала в экстрадиции заявителя на основании ст. 19 Минской конвенции по причине того, что заявитель подал прошение о предоставлении убежища.
65. 4 апреля 2005 г. заявитель был освобожден из-под стражи.
66. 6 июля 2005 г., в связи с похищением заявителя, прокуратура г.Королёва возбудила уголовное дело по ч.2 ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (похищение человека с отягчающими обстоятельствами). Делу был присвоен номер 27807.
67. Следствием установлено, что примерно в 23-00 15 апреля 2005 г. заявитель, гуляя по улице поблизости от дома по адресу: г. Королёв, ул. Советская, 14, был предположительно похищен неустановленными лицами.
68. Позднее стало известно, что заявитель был задержан властями Таджикистана в Душанбе.
69. Следователи допросили гражданина Л., его сына и дочь, сотрудников милиции, которые находились на дежурстве в ночь 15 апреля 2005 г. в районе ул. Советская, а также сына заявителя.
70. 8 июля 2005 г. гражданин Л. сообщил, что заявитель, друг его дочери, находился в их доме с 12 апреля 2005 г. 15 апреля 2005 г. гражданин Л. вышел из дома, чтобы прогуляться с собакой, а заявитель вышел вместе с ним, чтобы покурить. Гражданин Л., как некурящий, пошел в противоположном от заявителя направлении. Через какое-то время он встретил двух людей в милицейской форме и беседовал с ними в течение примерно пятнадцати минут. После чего он вернулся в дом, однако, заявителя там не обнаружил. Гражданин Л. и его дочь, гражданка Л., искали заявителя, обращались в отделения милиции, однако, все было напрасно. Через некоторое время гражданка Л. прочитала в Интернете, что заявитель задержан в Таджикистане.

71. Гражданка Л. и сын гражданина Л. дали аналогичные показания.
72. Следователи проверили, вывозили ли заявителя самолетом из Чкаловского аэропорта. Никакого подтверждения данной версии найдено не было.
73. 20 июня 2005 г. прокуратура г.Королёва признала заявителя потерпевшим по уголовному делу № 27807.
74. 18 июля 2005 г. прокуратура г. Королёва, согласно ст. 4, 5, 7 и 8 Минской конвенции, обратилась в Генеральную прокуратуру Таджикистана для установления местонахождения заявителя и его допроса по факту его похищения и вывоза с территории Российской Федерации.
75. 24 августа 2005 г. власти Российской Федерации обратились в Генеральную прокуратуру Таджикистана с ходатайством о допросе заявителя и предоставлении ему возможности ознакомиться с постановлением о привлечении его к участию в деле в качестве потерпевшего. 29 декабря 2005 г. гражданин Х., следователь Генеральной прокуратуры Таджикистана, ответил, что он неоднократно посещал заявителя в следственном изоляторе Министерства безопасности Таджикистана в связи с уголовным делом № 27807, однако, заявитель отказался что-либо сообщать или же изучать постановление о признании его потерпевшим.
76. Признаков участия в похищении заявителя каких-либо сотрудников российских правоохранительных органов следствием установлено не было.
77. 3 октября 2008 г. следствие было приостановлено ввиду невозможности установления лиц, совершивших преступление.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Конституция Российской Федерации 1993 г.

78. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность (п. 1 ст. 22). Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (п. 2 ст. 22).

В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ)

79. При получении от иностранного государства запроса о выдаче лица, если при этом не представлено решение иностранного судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, Генеральный прокурор или его заместитель, в целях обеспечения

возможности выдачи лица, решает вопрос о необходимости избрания ему меры пресечения в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом (п. 1 ст. 466).

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ПРОЧИЕ ДОКУМЕНТЫ

A. Совет Европы

80. Рекомендация R (98) 13 Комитета Министров Совета Европы странам-членам о правах лиц, ходатайствующих о предоставлении статуса беженцев, чьи просьбы были отвергнуты, на эффективное средство судебной защиты против решения об исключении в контексте ст. 3 Европейской конвенции о правах человека гласит:

« ...

Не препятствуя реализации любых прав лиц, которым было отказано в предоставлении убежища, на обжалование решения об отказе в их просьбе об убежище, в соответствии с рекомендациями, изложенными, в том числе, в Рекомендациях Совета Европы № R (81) 16 Комитета Министров ...

1. Каждому лицу, которое просит убежища и чья просьба в предоставлении убежища отклоняется, которое подлежит выдаче в страну, в отношении которой лицо заявляет небезосновательное утверждение о том, что лицо может быть подвергнуто пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, национальным органом власти должно быть предоставлено эффективное средство правовой защиты.

2. В рамках применения п. 1 настоящей рекомендации средство правовой защиты, предоставленное национальным органом власти считается эффективным при условии: ...

2.2. что орган власти является компетентным и в отношении решения о наличии условий, указанных в ст. 3 Конвенции, и в присуждении надлежащей компенсации; ...

2.4. исполнение решения о выдаче приостанавливается до принятия решения согласно п. 2.2».

81. Совет при Европейском Комиссаре по Правам Человека принял Рекомендацию (ComDH(2001)19) от 19 сентября 2001 г. в отношении прав иностранцев, желающих въехать в государство, являющееся членом Совета Европы, и исполнения решений о выдаче, часть которой гласит:

«11. Необходимо, чтобы, в случае, когда лицо заявляет о том, что компетентные органы нарушили или могут нарушить его право на средство правовой защиты, гарантированное Конвенцией, такое право на средство правовой защиты, согласно ст. 13 Конвенции, было бы не только обеспечено законодательно, но и предоставлялось на практике. Право на эффективное средство правовой защиты должно быть гарантировано каждому, кто желает оспорить решение о принудительном возвращении беженцев или выдаче. Оно должно иметь возможность приостановить исполнение решения о выдаче как минимум в случае предполагаемого нарушения ст. 2 или ст. 3 Конвенции».

82. Для получения информации о прочих сопутствующих документах см. Постановление Европейского суда по делу «Гебремедхин [Габерамадхиен]» против Франции (Gebremedhin [Gaberamadhien] v. France), пп. 36-38, жалоба №25389/05, ЕСПЧ 2007-V.

В. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция 1993 г.)

83. При осуществлении действий, предусмотренных Минской конвенцией, сторонами которой являются Россия и Таджикистан, соответствующий государственный орган применяет национальное законодательство своего государства (п. 1 ст. 8).

84. По получении требования о выдаче какого-либо лица запрашиваемая страна немедленно принимает меры к взятию под стражу лица, выдача которого требуется, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена (ст. 60).

85. Лицо, выдача которого требуется, по ходатайству может быть взято под стражу до получения требования о выдаче. В ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о взятии под стражу и указание на то, что требование о выдаче будет представлено дополнительно (п. 1 ст. 61). Если лицо взято под стражу или задержано до получения требования о выдаче, необходимо незамедлительно уведомить об этом страну, направившую запрос об экстрадиции (п. 3 ст. 61).

86. Лицо, взятое под стражу, согласно п. 1 ст. 61, Минской конвенции, должно быть освобождено, если требование о его выдаче не поступит от запрашивающей страны в течение сорока дней со дня взятия лица под стражу (п. 1 ст. 62).

С. Отчеты в отношении общей ситуации с правами человека в Таджикистане, подготовленные до 15 апреля 2005 г.

87. Организация «Международная Амнистия» в своем документе «Таджикистан - безнаказанность, угроза безопасности» от 4 ноября 2004 г., содержащем описание предположительного жестокого обращения с тремя жителями Таджикистана, сообщает следующее:

"Международная Амнистия" получает сообщения о широком распространении пыток и жестокого обращения со стороны милиции Таджикистана. Объектами жестокого обращения являются предполагаемые исламисты, а также подозреваемые в совершении обычных преступлений. Постоянно поступает информация о том, что по большинству дел никакого тщательного и беспристрастного расследования не проводится, при этом преступники остаются безнаказанными».

88. Государственный департамент США в своем докладе о состоянии прав человека в различных странах мира за 2004 г., опубликованном 28 февраля 2005 г., сообщает:

«Оценка деятельности властей [Таджикистана] в отношении защиты прав человека остается низкой; при том, что в ряде сфер имело место некоторое улучшение, наиболее серьезные проблемы по-прежнему не решаются... Правоохранительные органы пытаются, избивают и жестоко обращаются с заключенными и иными лицами; кроме того, они ответственны за угрозы, вымогательства и жестокое обращение с гражданами. Условия содержания в местах лишения свободы остаются суровыми и представляют опасность для жизни. Ряд заключенных погибли от голода.

Безнаказанность, а также длительное содержание под стражей до рассмотрения дела судом продолжают оставаться серьезной проблемой. Власти применяют пытки для получения признательных показаний, которые повсеместно принимаются в качестве доказательства в судах без дополнительной проверки.

Законодательство вышеуказанные действия запрещает, однако, имеются сведения об их применении должностными лицами правоохранительных органов.

В течение рассматриваемого года пытки применялись, хотя и в меньшей степени, чем в 2003 г. Сотрудники правоохранительных органов, и, в особенности, Министерства внутренних дел (МВД), для получения признательных показаний продолжали применять систематические избиения,

кроме того, в ходе допросов применялись пытки, сексуальное насилие и электрический ток.

Избиения и жестокое обращение широко распространены также и в следственных изоляторах, при этом реакция властей в отношении виновных лиц является минимальной.

Условия содержания в местах лишения свободы оставались суровыми и представляли опасность для жизни примерно от 7 000 до 10 000 заключенных. Места лишения свободы были обычно переполнены, грязны, являлись источниками инфекций. Распространение туберкулеза представляло собой серьезную проблему, поступали сообщения о том, что некоторые заключенные умерли от голода.

...

Произвольные аресты и содержание под стражей оставались серьезной проблемой. Законодательство, представляющее собой измененное наследие советской эпохи, допускало длительное содержание под стражей до рассмотрения дела судом, права прокуратуры и милиции на проведение задержаний являлись практически бесконтрольными.

Серьезной проблемой оставалась также безнаказанность; допустившие жестокое обращение сотрудники к ответственности привлекались редко. Правительство признавали, что милиция и правоохранительные органы коррумпированы, и что большинство граждан, перенесших жестокое обращение, не обращались с жалобами из страха применения репрессий со стороны властей.

...

Конституция предусматривает независимость суда, однако, суды и судьи подвергаются политическому давлению исполнительной ветви власти, а также криминальных сообществ, значительными проблемами являются и коррупция и неэффективность деятельности судебной системы.

Официальная информация о судопроизводстве по уголовным делам и количестве политических заключенных незначительна, при этом надежные международные и местные источники сообщают о содержащихся под стражей после гражданской войны приблизительно 100 бывших членах Объединенной таджикской оппозиции, и это - несмотря на две общих амнистии в 1998 г. Споры о том, какие преступления были охвачены амнистиями, затягивают рассмотрение дел. После пересмотра дел властями большинство признаются обоснованно лишенными свободы за совершение тяжких преступлений, тем не менее, некоторые лица все же выходят на свободу.

В январе, после частично закрытого судебного процесса, в закрытом заседании Военная коллегия Верховного суда приговорила Шамсуддина Шамсуддинова, заместителя председателя Партии Исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), к 16 годам лишения свободы за организацию вооруженной группы и незаконное пересечение границы. Оба преступления охватывались послевоенными амнистиями 1998 г. В период досудебного заключения он предположительно подвергался жестокому обращению и был лишен доступа к защитнику (см. Раздел 1 .с). ПИВТ утверждала, что судебное разбирательство и приговор были политически мотивированными и имели целью дискредитацию партии».

89. Во Всемирном докладе организации «Хьюман Раите Вотч» -2005 г., выпущенном 12 января 2005 г., в отношении Таджикистана было сообщено следующее:

«Ситуация с правами человека в Таджикистане отличается неустойчивостью. При всех реформах на бумаге - включая новый закон о выборах и мораторий на смертную казнь - правительство продолжает оказывать давление на политическую оппозицию, независимые СМИ и религиозные группы. В условиях, когда президент Эмомали Рахмонов пытается укрепить свою власть в преддверии парламентских и президентских выборов 2005-2006 гг., в республике отмечается ухудшение политического климата. Доминирующая роль в политической жизни принадлежит президентской Народно-демократической партии под руководством Президента Рахмонова. При том, что договоренностями 1997 года оппозиции гарантировано 30% руководящих должностей, в январе президент Рахмонов заменил высших чиновников из числа представителей оппозиции на лояльных себе людей. В результате доля оппозиции в руководстве сократилась до 5%.

Оппонентам президента грозит уголовное преследование по политическим мотивам. В январе Верховный суд приговорил зампреда Партии исламского возрождения (одна из сторон Соглашения о мире и национальном согласии) Шамсуддина Шамсуддинова к 16 годам лишения свободы за многоженство, организацию преступного сообщества и незаконное пересечение госграницы в период гражданской войны. Еще трое членов ПИВТ получили длительные сроки по обвинению в участии в организованной Шамсуддиновым преступной группе. Сам Шамсуддинов, с момента ареста в мае 2003 года отказывающийся признать себя виновным, заявляет, что во время следствия его били и пытали ТОКОМ).»

D. Доклады в отношении дела заявителя

90. Представитель Соединенных Штатов Америки в Постоянном Совете ОБСЕ 16 июня 2005 г. сделал заявление о содержании Махмадрузи Искандарова под стражей в Душанбе следующего содержания:

«Соединенные Штаты Америки выражают свою озабоченность делом Махмадрузи Искандарова, Председателя Демократической партии Таджикистана, который был насильственно возвращен в Душанбе из Москвы 17 апреля и который с указанного дня содержался под стражей Министерством безопасности Таджикистана.

Мы также отмечаем, что гражданин Искандаров был лишен постоянного и конфиденциального контакта со своим защитником, а также, что его семья была лишена возможности с ним встречаться.

Соединенные Штаты Америки обращаются к властям Таджикистана за предоставлением гражданину Искандарову разрешения на доступ к его защитнику в соответствии с собственным законодательством Таджикистана, а также международными нормами и за рассмотрением дела в суде в соответствии с международным законодательством. К участию в судебном процессе необходимо допустить и местных, и международных наблюдателей.

Соединенные Штаты Америки вновь призывают власти Республики Таджикистан проявить свою приверженность соблюдению принципов ОБСЕ и международного законодательства. Соединенные Штаты Америки готовы оказать Таджикистану любую необходимую помощь в соблюдении его обязательств по данным вопросам».

91. Во Всемирном докладе организации «Хьюман Райтс Вотч» -2006 г., выпущенном 18 января 2006 г., в отношении Таджикистана было сообщено следующее:

«В декабре 2004 г. сотрудники милиции Российской Федерации по просьбе властей Таджикистана задержали в г. Москве М. Искандарова. Власти обвиняли Искандарова - громогласного критика президента Рахмонова, вероятного кандидата в президенты, а также лидера Таджикской демократической партии - в нападении на два государственных учреждения в Таджикибаде в августе 2004 г. Российские власти освободили его 3 апреля 2005 г., однако, он пропал два дня спустя и, в конце концов, обнаружился в заключении в Таджикистане. Искандаров утверждал, что он обратился за предоставлением ему статуса беженца после того, как был отпущен из-под стражи в России, однако, заявил, что российские правоохранительные органы похитили его на улице и передали агентам, которые на самолете доставили его в Душанбе. 5 октября 2005 г., после продолжавшегося более двух месяцев судебного процесса, Искандаров был признан виновным по шести эпизодам,

включая терроризм и незаконное хранение оружия. Он был приговорен к двадцати трем годам лишения свободы и штрафу в размере 1,5 миллионов сомов (примерно 470 000 долларов США)».

92. Государственный департамент США в своем докладе о состоянии прав человека в различных странах мира за 2005 г., опубликованном 8 марта 2006 г., в отношении Таджикистана сообщает;

«Избиения и жестокое обращение были широко распространены также и в следственных изоляторах, при этом реакция властей в отношении виновных лиц была минимальной (см. Раздел I.d.). И Ерибек «Шейх» Ибрагимов, и М. Искандаров заявили о том, что во время их нахождения в следственном изоляторе сотрудники милиции их избивали и пытали электротоком. Наблюдатели международного комитета Красного Креста (МККК) не имели возможности расследовать утверждения о пытках в отношении вышеуказанных лиц и их сторонников, при этом официального расследования со стороны властей также не последовало.

...

М. Искандаров, глава Демократической партии Таджикистана и бывший председатель «Таджикгаза», после того, как был задержан в Москве в декабре 2004 г., был возвращен в страну в апреле 2005 г. при обстоятельствах, выглядящих как внесудебная экстрадиция; Искандаров был обвинен в нарушении восьми статей уголовного кодекса, в том числе бандитизме, терроризме, незаконном хранении оружия, незаконном найме телохранителей, а также растрате госимущества. По запросу Генеральной прокуратуры Таджикистана власти Российской Федерации поместили Искандарова под стражу в рамках процедуры международного розыска, однако, установили недостаточность оснований для его экстрадиции. 3 апреля Генеральный прокурор Российской Федерации отклонил запрос на экстрадицию и освободил Искандарова из-под стражи. После чего последний был похищен неизвестными, и 26 апреля Генеральная прокуратура Таджикистана объявила о том, что Искандаров заключен под стражу в Душанбе до рассмотрения дела судом. Искандаров был немедленно лишен контакта с членами своей семьи, а также с защитником. Искандаров сообщил, что его истязали, вводили ему наркотики и также пытали электротоком. Он был приговорен к 23 годам лишения свободы. В настоящее время он обжалует приговор в Верховный суд. К концу года дата рассмотрения жалобы назначена не была».

93. 22 марта 2006 г. в Брюсселе от лица Европейского Союза была озвучена декларация Государств-Председателей Совета ЕС по делу гражданина Искандарова в Таджикистане (7656/06 (Presse 86) P 050), гласившая:

«Европейский Союз внимательно следил за производством по делу гражданина М. Искандарова, лидера оппозиционной Демократической партии Таджикистана, с момента его задержания в Москве в декабре 2004 г.

Европейский Союз отмечает факт признания его виновным и осуждения к 23 годам лишения свободы Верховным судом Таджикистана 5 октября 2005 г. по множественным обвинениям и оставления его кассационной жалобы без удовлетворения Коллегией по уголовным делам 18 января 2006 г.

Европейский Союз особо обеспокоен обстоятельствами переправки гражданина Искандарова в Таджикистан и его последующего ареста в апреле 2005 г., подробности которых остаются неясными, а также обращением с гражданином Искандаровым во время его содержания под стражей до рассмотрения дела судом. Защита гражданина Искандарова подняла вопросы по ряду аспектов самого судебного процесса, а также в связи с тем фактом, что недавнее производство в суде кассационной инстанции являлось закрытым для СМИ. ЕС выражает желание получить дополнительную информацию по данным вопросам.

Европейский Союз обращается к властям Таджикистана по поводу обеспечения постоянного доступа к гражданину Искандарову членов его семьи и защитников в соответствии с законодательством Таджикистана.

Неясные обстоятельства задержания гражданина Искандарова, а также ряд вопросов в связи с содержанием его под стражей и рассмотрением в суде дела в его отношении являются, учитывая международные обязательства Республики Таджикистан, в том числе перед ОБСЕ, неоднозначным свидетельством демократических реформ и уважения прав человека в Таджикистане».

94. Государственный департамент США в своем докладе о состоянии прав человека в различных странах мира за 2006 г., опубликованном 6 марта 2007 г., в отношении Таджикистана сообщает:

«Официального расследования по сообщениям о предположительно имевших место в 2005 г. избиениях и пытках электрическим током со стороны сотрудников милиции в отношении находившихся в заключении Ерибека «Шейха» Ибрагимова и М. Искандарова, не проводилось.

М. Искандаров, глава Демократической партии Таджикистана и бывший председатель «Таджикгаза» государственной газовой монополии, после его похищения неизвестными в апреле 2005 г. и возвращения в страну из Москвы, оставался под стражей. В октябре 2005 г. Верховный суд Таджикистана приговорил Искандарова к 23 годам лишения свободы/а также

иным мерам наказания, включая взыскание суммы в размере 434 782 доллара США (1,5 миллионов сомов), предположительно растраченных в «Таджикгазе». При том, что большинство наблюдателей считают обвинения в коррупции и растрате средств обоснованными, местные наблюдатели, активисты-правозащитники, а также политическая оппозиция утверждают, что задержание Искандарова, рассмотрение его дела в суде, а также приговор имели политическую мотивацию - угрозу потенциальным политическим конкурентам. Хотя Искандаров и был осужден, он оставался в следственном изоляторе до конца года.»

95. Организация «Международная Амнистия» в документе, озаглавленном «Средняя Азия: обзор проблем с защитой прав человека, январь 2006 г. - март 2007 г.», опубликованном 26 марта 2007 г., описала ситуацию заявителя следующим образом:

«В июне 2006 г. оппозиционная Демократическая партия Таджикистана (ДПТ) выразила озабоченность тем, что ее лидер, М. Искандаров, продолжал, лишенный связи с внешним миром, содержаться под стражей Министерством государственной безопасности. В 2005 г. М. Искандаров был похищен в Москве, Россия, где проживал после того, как российские власти отказали в его выдаче Таджикистану. В октябре 2005 г. он был осужден Верховным судом Таджикистана к 23 годам лишения свободы по отрицаемым им обвинениям в терроризме и коррупции. Немедленно после вынесения приговора он должен был быть отправлен к месту отбытия наказания, однако, этого не произошло. Его сторонники утверждали, что ему запрещалось получать посылки или газеты, а также встречаться со своими родственниками и адвокатами. Кассационная жалоба на его приговор была отклонена в закрытом судебном заседании в январе 2006 г. В начале февраля 2007 г. М. Искандаров был наконец этапирован в колонию строгого режима для отбытия оставшегося срока наказания».

96. Государственный департамент США в своем докладе о состоянии прав человека в различных странах мира за 2009 г., опубликованном 11 марта 2010 г., в отношении Таджикистана сообщает:

«... М. Искандаров, глава Демократической партии Таджикистана и бывший председатель «Таджикгаза», государственной газовой монополии, продолжает отбывать срок в колонии после его незаконной экстрадиции из Тосии и осуждения в 2005 г. за коррупцию».

ПРАВО

I. УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

А. Доводы сторон

1. Власти Российской Федерации

97. Власти Российской Федерации настаивали на том, что российские государственные органы в похищении заявителя не участвовали. Заявитель был освобожден из-под стражи 4 апреля 2005 г. после его заключения в ожидании экстрадиции и вновь на территории Российской Федерации никогда не задерживался.

98. Утверждения заявителя о том, что он был задержан представителями государства, были опровергнуты в ходе внутригосударственного расследования по факту его похищения.

99. Допрошенные свидетели не видели, как именно был похищен заявитель. Гражданин Л. в рамках внутригосударственного расследования заявил, что территория вокруг его дома была окружена двадцатью пятью или тридцатью мужчинами в гражданской одежде, не сообщил. Сотрудники милиции, гражданин Т. и гражданин С, заявили следователям о том, что никого ночью 15 апреля 2005 г. они не задерживали и никаких людей, окруживших дом № 14 по улице Советская, не видели.

100. Заявитель с постановлением о признании его потерпевшим по делу и допросе его в качестве потерпевшего знакомиться отказался.

101. Власти Российской Федерации на письмо от Министерства иностранных дел Таджикистана, копия которого была передана представителем заявителя, ответили, что его содержание «не соответствует фактам». Также власти Российской Федерации утверждали, что представленная копия была едва читаемой. Позднее им были представлены другие копии, однако, никаких дополнительных комментариев в отношении документа с их стороны не последовало.

102. В целом, власти Российской Федерации утверждали, что ответственность за похищение заявителя на государственные органы возложена быть не могла.

2. Заявитель

103. Заявитель настаивал на том, что его утверждения об участии представителей государства в его транспортировке в Таджикистан подтверждаются следующим. Заявитель прибыл в Таджикистан без паспорта, что было бы невозможно, если бы его не сопровождали представители государства. Власти Таджикистана публично подтвердили, что он был выдан

по официальным каналам. Заявления гражданина Л. российским следователям и Европейскому Суду противоречивыми не являлись.

104. Заявитель действительно не желал быть допрошенным следователями Таджикистана в связи с уголовным делом №27807, однако, он ходатайствовал перед российскими следователями о его допросе на территории России.

В. Мнение Европейского Суда

105. Учитывая, что стороны имеют существенные разногласия относительно фактических обстоятельств настоящего дела, Европейскому Суду необходимо установить факты, касающиеся перемещения заявителя в Таджикистан.

106. Европейский Суд изначально отмечает, что его роль носит вспомогательный характер и что следует соблюдать предельную осторожность, принимая на себя роль судебного органа первой инстанции, исследующего и решающего вопросы факта, в тех случаях, когда обстоятельства какого-либо конкретного дела неизбежно того не требуют (см., например, Решение Европейского Суда от 4 апреля 2000 г. по делу «Маккерр против Соединенного Королевства» (McKerr v. the United Kingdom), жалоба № 28883/95). Однако, если утверждения основываются на ст. 3 Конвенции, Европейский Суд обязан провести особенно тщательную проверку, даже если определенные внутренние судебные процессы и расследования уже были проведены (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мэтью против Нидерландов» (Mathew v. the Netherlands), п. 155, жалоба №24919/03, ЕСПЧ2005-1X).

107. Европейский Суд, кроме того, еще раз отмечает, что для оценки доказательств он принимает критерий доказанности «при отсутствии разумных оснований для сомнения». При этом, в рамках производства в Европейском Суде не существует никаких процессуальных запретов в отношении допустимости доказательств или заранее установленной формулы для их оценки. Европейский Суд приходит к выводам, которые, по его мнению, подтверждаются свободной оценкой всех доказательств, в том числе и к выводам, которые могут следовать из фактов и доводов сторон. Согласно действующему прецедентному праву Европейского Суда, достижение такого стандарта доказывания может являться следствием сосуществования достаточно сильных, ясных и согласующихся друг с другом выводов из имеющихся фактов либо схожих не опровергнутых презумпций относительно фактов. Кроме того, степень убедительности, необходимая для того, чтобы прийти к определенным выводам, а также, в данной связи, распределение бремени доказывания неразрывно связаны с особенностями

конкретных фактов, характером доказываемых утверждений, а также тем, нарушение какого именно предусмотренного Конвенцией права находится на рассмотрении (см., с последующими ссылками, Постановление Европейского Суда по делу «Панова и другие против Болгарии» (*Nachova and Others v. Bulgaria*) [БП], жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, п. 147, ЕСПЧ 2005-VII).

108. Европейский Суд также признает, что рассмотрение дел в рамках Конвенции, к каковым относится рассмотрение дела по настоящей жалобе, не всегда связано с неукоснительным применением принципа *affirmanti incumbit probatio*. В том случае, когда события, являющиеся предметом рассмотрения, относятся, полностью или в большей своей части, к исключительному ведению органов государственной власти, бремя доказывания остается за органами государственной власти, которые должны предоставить удовлетворительные и убедительные разъяснения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*) [БП], п. 100, жалоба №21986/93, ЕСПЧ 2000-VII, и Постановление Европейского Суда по делу «Д.Х. и другие против Чехии» (*D.H. and Others v. the Czech Republic*) [БП], п. 179, жалоба № 57325/00, ЕСПЧ 2007-XI).

109. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что заявитель представил, в целом, ясное и последовательное описание событий, связанных с его отправкой из России в Таджикистан. Его утверждение о том, что он был *de facto* незаконно экстрадирован российскими властями, подтверждается докладами Государственного департамента США (см. выше п. 96).

110. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что Министерство иностранных дел Таджикистана официально уведомило Управление ВКПЧ о том, что заявитель был «официально выдан властям Таджикистана российскими правоохранительными органами» (см. выше п. 58). Власти Российской Федерации никакого объяснения данному утверждению не представили, ограничившись лишь заявлением, что «оно не относится к обстоятельствам [дела]».

111. И, наконец, Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не предложили никакой иной версии, которая могла бы объяснить, каким образом заявитель, которого в последний раз видели в Московской области вечером 15 апреля 2005 г. и который был помещен в таджикский изолятор 17 апреля 2005 г., прибыл в Таджикистан. Власти Российской Федерации ограничились лишь констатацией, что следователи по делу о похищении заявителя никакой информации в подтверждение версии о том, что заявитель вылетел из аэропорта Чкаловский (см. выше п. 72), не обнаружили. При этом они не представили никаких доказательств,

подтверждающих, какие же меры были предприняты следствием для опровержения утверждений заявителя.

112. Европейский Суд отмечает, что кратчайшая дорога между г. Королёвым и г. Душанбе составляет 3 660 км. Она проходит через Казахстан и Узбекистан, суверенные государства с собственным пограничным контролем. При таких обстоятельствах Европейский Суд считает неправдоподобным, чтобы похитители могли тайно доставить заявителя в Таджикистан менее чем за два дня каким-либо иным средством транспорта, кроме самолета.

113. Очевидно, что для посадки в самолет заявитель должен был пересечь государственную границу Российской Федерации, а, следовательно, пройти паспортный и таможенный контроль, проводимый властями Российской Федерации. Европейский Суд серьезно сомневается в том, чтобы неопознанные похитители были способны перевезти заявителя из Королёва в Душанбе против воли последнего, не уведомив государственных должностных лиц о пересечении границы. При таких обстоятельствах Европейский Суд считает, что утверждение заявителя о том, что он был посажен в самолет представителями Российской Федерации, которые имели право на пересечение границы без соблюдения обычных формальностей, представляется убедительным. Власти Российской Федерации никаких журналов учета пограничного или таможенного контроля, подтверждающих, где и когда заявитель покинул территорию России, не представили. Также они не представили никаких убедительных объяснений тому, каким образом заявитель мог прибыть в Душанбе без сопровождения официальных представителей Российской Федерации.

114. Ввиду вышеизложенного Европейский Суд приходит к следующему заключению: что заявитель *prima facie* обосновал версию о своем задержании и отправке в Таджикистан представителями Российской Федерации, а властям не удалось убедительно доказать свои утверждения и представить достаточные и весомые объяснения, каким образом заявитель прибыл в Душанбе.

115. Соответственно, Европейский Суд признает установленным, что 15 апреля 2005 г. заявитель был задержан сотрудниками государственных органов Российской Федерации и находился под их контролем до момента его передачи властям Таджикистана.

116. С учетом этих выводов Европейский Суд перейдет к рассмотрению жалоб заявителя по ст. 3 и ст. 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

117. Заявитель жаловался на то, что, в результате своего незаконного перемещения в Таджикистан, он подвергался жестокому обращению и преследованию по политическим мотивам, в нарушение ст. 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон

118. Власти Российской Федерации против указанного довода возражали и утверждали, что ответственность за похищение заявителя 15 апреля 2005 г. на государство-ответчика возложить невозможно. Власти Российской Федерации утверждали, что российские государственные органы не могут нести ответственность ни за какое жестокое обращение, которое заявитель мог претерпеть на территории Таджикистана, а также, что вследствие этого его жалоба не соответствовала принципу *ratione loci*. По утверждению властей Российской Федерации, вопрос исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты в данном деле значения не имеет, поскольку предполагаемое нарушение к государству-ответчику не относится.

119. Заявитель настаивал на своих жалобах. Он утверждал, что к 15 апреля 2005 г. имелись серьезные основания опасаться того, что по возвращении в Таджикистан он подвергнется обращению, нарушающему ст. 3 Конвенции. Кроме того, он заявил, что уже фактически подвергался жестокому обращению, находясь в заключении в Таджикистане. Также он утверждал, что российские органы власти эффективного расследования его незаконного перемещения в Таджикистан не провели, и его возвращения в Россию не обеспечили. Далее он сообщил, что все доступные внутригосударственные средства правовой защиты в отношении своей жалобы исчерпал.

В. Мнение Европейского Суда

1. Приемлемость

120. В отношении довода властей Российской Федерации о том, что жалоба должна быть признана неприемлемой, согласно принципу *ratione loci*¹, Европейский Суд напоминает, что Конвенция не регламентирует действия государств, которые не являются ее участниками, и, кроме того, она не предназначена являться средством принуждения государств-участников к тому, чтобы применять нормы Конвенции к другим государствам (см. Постановление Европейского Суда от 7 июля 1989 г. по делу «Серит против Соединенного Королевства» (*Soering v. the United Kingdom*), п. 86, Серия А № 161). При этом Европейский Суд подчеркивает, что ответственность

государства-участника, осуществляющего экстрадицию со своей территории в рамках Конвенции, возникает не из действий, совершенных вне юрисдикции государства, а из тех действий, ответственность за которые возлагается на государство, и в качестве прямого последствия которых лицо непосредственно подвергается опасности жестокого обращения, запрещенного ст. 3 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Серинг против Соединенного Королевства», п. 91, и Постановление Европейского Суда от 20 марта 1991 г. по делу «Круз Варас и другие против Швеции» (Cruz Varas and Others v. Sweden), п. 69, Серия А №201). Таким образом, Европейский Суд возражение властей Российской Федерации в отношении того, что данный вопрос выходит за рамки территориальной юрисдикции государства, отклоняет.

121. Европейский Суд далее отмечает, что не имеет необходимости принимать решение о том, исчерпал заявитель в настоящем деле доступные для него эффективные внутригосударственные средства защиты или нет, поскольку власти Российской Федерации возражение о неисчерпании правовых средств не заявляли (см. Постановление Европейского Суда от 7 февраля 2008 г. по делу «Меченков против Российской Федерации» (Mehenkov v. Russia), п. 78, жалоба № 35421/05).

122. В заключение Европейский Суд отмечает, что жалоба заявителя, поданная в соответствии со ст. 3 Конвенции, не является явно необоснованной в рамках значения п. 3 ст. 35 Конвенции и что она не является неприемлемой на каких-либо иных основаниях. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Основные принципы

123. Европейский Суд, прежде всего, напоминает, что жестокое обращение должно достигать минимального уровня жестокости, чтобы данный факт подпадал под область действия ст. 3 Конвенции. Оценка такого минимума неизбежно относительна: она зависит от всех обстоятельств дела, таких как: характер и контекст такого плохого обращения или наказания, форма и методы их осуществления, продолжительность жестокого обращения, его физическое и/или психическое действие, а также в некоторых случаях пол, возраст и состояние потерпевшего (см. Постановление Европейского Суда от 16 декабря 1999 г. по делу «Т. против Соединенного Королевства» (T. v. the United Kingdom) [БП], п. 68, жалоба № 24724/94).

124. Согласно установившейся прецедентной практике Европейского Суда, сформировавшемуся международному законодательству и с учетом

обязательств в рамках соглашений, включая соглашения, вытекающие из Конвенции, государства-участники вправе контролировать въезд, проживание и выдворение иностранцев (см., например, Постановление Европейского Суда от 21 октября 1997 г. по делу «Бужлифа против Франции» (*Boujlifa v. France*), п. 42, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-VI, и Постановление Европейского Суда от 27 мая 2008 г. по делу «Н. против Соединенного Королевства» (*N. v. the United Kingdom*) [БП], п. 30, жалоба № 26565/05). Кроме того, ни Конвенция, ни ее протоколы права на политическое убежище не содержат (см. Постановление Европейского Суда от 17 декабря 1996 г. по делу «Ахмед против Австрии» (*Ahmed v. Austria*), п. 38, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-VI).

125. Однако экстрадиция из государства-участника может повлечь за собой спор о соблюдении ст. 3 Конвенции, и, соответственно, у государства возникает предусмотренная Конвенцией обязанность в случае, если были представлены достаточные основания полагать, что соответствующее лицо в случае выдачи может подвергнуться реальному риску обращения, противоречащего ст. 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*) [БП], жалобы №№ 46827/99 и 46951/99, п. 67, ЕСПЧ 2005-1). В таком случае ст. 3 Конвенции содержит обязательство не выдворять соответствующее лицо в вышеуказанную страну (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда от 30 октября 1991 г. по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others v. the United Kingdom*), п. 102, Серия А №215, и Постановление Европейского Суда по делу «Сайд против Нидерландов» (*Said v. the Netherlands*), п. 46, жалоба № 2345/02, ЕСПЧ 2005-VI).

126. При выяснении, действительно ли у заявителя в случае экстрадиции возникнет реальный риск подвергнуться запрещенному ст. 3 Конвенции обращению, Европейский Суд оценивает вопрос в свете всех переданных в его распоряжение или, при необходимости, запрошенных *proprio motu* материалов (см. Постановление Европейского Суда от 29 апреля 1997 г. по делу «Х.Л.Р. против Франции» (*H.L.R. v. France*), п. 37, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-III). Поскольку характер ответственности государств-участников в рамках ст. 3 Конвенции по аналогичным делам связан с тем, что лицо подвергается опасности жестокого обращения, существование опасности должно оцениваться, в первую очередь, с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны государству-участнику в момент экстрадиции (см. упомянутые выше Постановление Европейского Суда по делу «Круз Варас и другие против Швеции», пп. 75-76, и Постановление

Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства», п. 107).

127. Для установления, действительно ли во время экстрадиции существовала опасность жестокого обращения, Европейский Суд обязан рассмотреть прогнозируемые на тот момент времени обстоятельства выдачи заявителя в получающую страну, учитывая общую ситуацию в стране, а также индивидуальные обстоятельства выдаваемого лица (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда от 8 апреля 2008 г. по делу «Нньянзи против Соединенного Королевства» (*Nnyanzi v. the United Kingdom*), п. 54, жалоба №21878/06). В отношении общей ситуации в конкретной стране Европейский Суд считает, что вправе признать достаточно важной информацию, содержащуюся в докладах независимых международных правозащитных ассоциаций, таких как «Международная Амнистия», а также официальных источников, в том числе - Государственного департамента США (см.: например, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Сайд против Нидерландов», и. 54, а также Решение Европейского Суда от 20 февраля 2007 г. по делу «Аль-Моайад против Германии» (*Al-Moayad v. Germany*), пл. 65-66, жалоба № 35865/03). При этом, лишь сама возможность опасности жестокого обращения ввиду неразрешенной ситуации в принимающей стране сама по себе нарушением ст. 3 Конвенции не является (см. Постановление Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства», п. 111, а также Решение Европейского Суда от 31 мая 2001 г. по делу «Фатган Катани и. другие против Германии» (*Fatgan Katani and Others v. Germany*), жалоба № 67679/01). При том, что доступные для Европейского Суда источники описывают общую ситуацию, специфические для данного заявителя утверждения в рамках конкретного дела требуют подтверждения дополнительными доказательствами (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Маматкулов и Аскарров против Турции», п. 73).

(b) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

128. Далее Европейскому Суду необходимо установить, существовала ли на момент вывоза заявителя из Российской Федерации, а именно - на 15 апреля 2005 г., реальная опасность того, что заявитель может быть подвергнут на территории Таджикистана запрещенному ст. 3 Конвенции обращению (см. Постановление Европейского Суда от 11 декабря 2008 г. по делу «Муминов против Российской Федерации» (*Muminov v. Russia*), п. 91, жалоба № 42502/06).

129. Европейский Суд, в первую очередь, рассматривает, действительно ли общий политический климат, преобладающий в соответствующий период

времени на территории Таджикистана, мог дать основания полагать, что заявитель может быть подвергнут в принимающей стране жестокому обращению. Европейский Суд в данной связи отмечает, что доказательства, представленные рядом объективных источников, убедительно свидетельствуют о том, что в 2005 г. общая ситуация с защитой прав человека в Таджикистане давала основания для серьезной озабоченности. Например, организация «Международная Амнистия» отмечала широкое распространение в Таджикистане практики применения официальными представителями государства пыток, при этом виновные оставались безнаказанными (см. выше п. 87). Государственный департамент США также сообщал о частом применении пыток со стороны сотрудников правоохранительных органов и отмечал, что условия содержания в местах лишения свободы оставались суровыми и представляли опасность для жизни, вплоть до того, что ряд заключенных погибли от голода (см. выше п. 88). Поскольку власти Российской Федерации не представили убедительных возражений в отношении утверждений, приведенных в вышеуказанных докладах заслуживающих доверие организаций, Европейский Суд готов признать, что в 2005 г. жестокое обращение с заключенными являлось для Таджикистана постоянной проблемой.

130. При этом Европейский Суд отмечает, что вышеуказанные выводы касаются общей ситуации в стране приема и должны подтверждаться конкретными показаниями и иными доказательствами. С учетом вышеизложенного Европейскому Суду необходимо рассмотреть, производилась ли со стороны властей до момента принятия решения о выдаче оценка рисков жестокого обращения (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Рябкин против Российской Федерации», п. 117).

131. Таким образом, Европейский Суд переходит к рассмотрению вопроса, действительно ли индивидуальная ситуация заявителя давала основания полагать, что для него имеется серьезная опасность жестокого обращения на территории Таджикистана. Европейский Суд в данной связи отмечает, что заявитель являлся одним из возможных соперников президента Рахмонова на выборах президента Республики. Ко времени его выдачи с территории Российской Федерации уже были опубликованы доклады о политическом преследовании и жестоким обращении с г-ном Шамсуддиновым, еще одним лидером оппозиции и критиком режима (см. выше пп. 89 и 92). При таких обстоятельствах Европейский Суд считает, что в деле заявителя существовали особые индивидуальные факторы, которые могли и должны были позволить российским властям предусмотреть возможность жестокого обращения с заявителем на территории Таджикистана (см., для сравнения, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства», п. 112).

132. Тот факт, что не представляется возможным установить, был ли заявитель реально подвергнут жестокому обращению после его возвращения в Душанбе, как он утверждал и в Европейском Суде, и в других международных организациях, на выводы Европейского Суда не влияет.

133. В заключение Европейский Суд отмечает, что он в особенности поражен тем фактом, что российские власти демонстративно не стали оценивать опасность жестокого обращения, которому заявитель мог подвергнуться в Таджикистане. В отсутствие постановления о выдаче заявитель был лишен возможности на судебное обжалование его выдворения - простейшей процедурной защиты от того, чтобы подвергнуться незаконному обращению в принимающей стране.

134. В свете вышеизложенных выводов Европейский Суд считает, что перемещение заявителя в Таджикистан являлось нарушением обязанности государства-ответчика по защите заявителя от опасности жестокого обращения.

135. Соответственно, имело место нарушение ст. 3 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

136. Заявитель жаловался на то, что 15 апреля 2005 г. он был задержан должностными лицами Российской Федерации в нарушение российского законодательства. Он ссылаясь на п. 1 ст. 5 Конвенции, который гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(a) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

(c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

(d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

(e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче».

137. Власти Российской Федерации оспорили этот довод. Они утверждали, что в период с 9 декабря 2004 г. по 4 апреля 2005 г. заявитель содержался под стражей на основании запроса о его выдаче и после 4 апреля 2005 г. российскими властями не задерживался. Они настаивали на том, что в похищении и перевозке заявителя из России в Таджикистан официальные представители Российской Федерации не участвовали.

138. Заявитель настаивал на своей жалобе.

А. Приемлемость

139. Европейский Суд напоминает, что ст. 5 Конвенции - п. 1 которой провозглашает «право на свободу» — касается физической свободы человека. Задачей данной нормы является обеспечение того, чтобы никто не был лишен своей свободы в произвольном порядке. Для того чтобы определить, было ли лицо «лишено своей свободы» в значении ст. 5 Конвенции, начинать следует с конкретной ситуации данного лица, учитывая весь спектр критериев, в том числе вид, длительность, последствия и характер применения к лицу соответствующей меры (см. Постановление Европейского Суда от 25 июня 1996 г. по делу «Амюур против Франции» (*Amuur v. France*), п. 42, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-III). Различие между лишением и ограничением свободы заключается в степени или величине, а не в характере или сущности (см. Постановление Европейского Суда от 6 ноября 1980 г. по делу «Гуццарди против Италии» (*Guzzardi v. Italy*), Серия А № 39, и Постановление Европейского Суда по делу «Медведьев и другие против Франции» (*Medvedyev and Others v. France*) [БП], п. 73, жалоба № 3394/03, ЕСПЧ 2010-...).

140. Европейский Суд, в первую очередь, отмечает, что в данном конкретном деле, ввиду исключительно незначительного объема находящейся его в

распоряжении информации, а также отсутствия каких-либо официальных данных относительно вывоза заявителя с территории Российской Федерации, Европейский Суд не имеет возможности в подробностях установить все обстоятельства перемещения заявителя из г. Королёва в г. Душанбе. В частности, остается неизвестным, помещался ли заявитель в течение периода перемещения в камеру или заперся ли в каких-либо помещениях. Тем не менее, Европейский Суд установил, что заявителя сопровождали официальные представители Российской Федерации, и его доставили в Таджикистан против его воли (см. выше п. 115). По мнению Европейского Суда, данные обстоятельства невозможно оценивать только как ограничение его свободы передвижения, поскольку он был принужден к поездке государственными служащими (см., *mutatis mutandis*⁹, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Медведев и другие против Франции», п. 79). Относительно краткая продолжительность периода, в течение которого заявитель находился под контролем властей Российской Федерации, для определения, имело ли в обстоятельствах настоящего дела место лишение свободы или нет, решающего значения не имеет (см. Решение Европейской Комиссии от 7 октября 1976 г. по делу «X и Y против Швеции» (*X and Y v. Sweden*), жалоба № 7376/76, Решения и отчеты (DR) 7, стр.123, и Решение Европейской Комиссии от 13 декабря 1979 г. по делу «X против Австрии» (*Xv. Austria*), жалоба № 8278/78, DR18,Стр. 154).

141. Соответственно, Европейский Суд приходит к заключению, что ситуация заявителя, при которой он находился под контролем официальных представителей Российской Федерации непосредственно после его похищения 15 апреля 2005 г., оценивается как лишение свободы и по данному делу, в силу принципа *ratione materiae*¹⁰, подлежит применению п. 1 ст. 5 Конвенции. Кроме того, Европейский Суд напоминает, что уже ранее признавал, что лишение свободы, осуществленное в движущемся транспортном . средстве, может расцениваться как «содержание под стражей» (см. Постановление Европейского Суда от 18 декабря 1986 г. по делу «Бозано против Франции» (*Bozanov. France*), п. 59, Серия А № 111), в связи с чем не находит оснований не признать, что заявитель был фактически помещен под стражу в значении, которое придается данному термину прецедентной практикой Европейского Суда.

142. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в рамках значения п. 3 ст. 35 Конвенции и что она не является неприемлемой на каких-либо иных основаниях. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

143. Европейский Суд повторно отмечает, что ст. 5 Конвенции защищает право на свободу и личную неприкосновенность. Это право имеет первостепенную важность «в демократическом обществе» в свете Конвенции (см., среди многих других источников, Постановление Европейского Суда от 18 июня 1971 г. по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (*De Wildex Ooms and Versyp v. Belgium*), п. 65, Серия А № 12; Постановление Европейского Суда «Ассанидзе против Грузии» (*Assanidze v. Georgia*) [БП], п. 169, жалоба № 71503/01, ЕСПЧ 2004-11; а также Постановление Европейского Суда по делу «Ладент против Польши» (*Ladent v. Poland*), п. 45, жалоба № 11036/03, ЕСПЧ 2008-...).

144. Каждое лицо имеет право защиту свободы и личной неприкосновенности, то есть права не быть лишенным или прекратить лишение свободы, за исключением случаев, соответствующих условиям, приведенным в п. 1 ст. 5 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Медведев и другие против Франции», п. 77). При рассмотрении вопроса «законности» содержания под стражей, включая вопрос об исполнении «предусмотренной законом процедуры», Конвенция, в основном, отсылает к внутригосударственному законодательству. При этом одновременно необходимо, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели ст. 5 Конвенции, а именно — защите лица от произвола (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Боцано против Франции», п. 54, и Постановление Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра» (*Kqfkaris v. Cyprus*) [БП], п. 116, жалоба № 21906/04, ЕСПЧ 2008-...).

145. Никакое произвольное содержание под стражей не может соответствовать п. 1 ст. 5 Конвенции, в данном контексте термин «произвол» понимается шире, чем только несоответствие национальному законодательству. При том, что Европейский Суд ранее не формулировал общего определения, какого рода действия властей могут считаться «произвольными» в смысле п. 1 ст. 5 Конвенции, основные принципы постепенно вырабатываются по мере рассмотрения отдельных дел. Кроме того, определение «произвола» в смысле ст. 5 Конвенции в определенной степени отличается в зависимости от вида содержания под стражей в каждом конкретном случае (см. Постановление Европейского Суда по делу «Моорен против Германии» (*Mooren v. Germany*) [БЦ], п. 77, жалоба № 11364/03, ЕСПЧ 2009-...).

146. Например, Европейский Суд ранее установил, что содержание под стражей будет являться «произвольным» в случае, если, несмотря на соблюдение буквы национального законодательства, со стороны властей имел место элемент недобросовестности или введения в заблуждение (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Вогнано

против Франиш», п. 59); либо если национальные власти не предприняли попытку правильно применить подлежащее применению законодательство (см. Постановление Европейского Суда от 10 июня 1996 г. по делу «Бенхэм против Соединенного Королевства» (*Benham v. the United Kingdom*), п. 47, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-III); или в случае, если судебные власти санкционировали содержание под стражей в течение длительного периода времени без указания оснований для этого в тексте своего решения (см. Постановление Европейского Суда от 21 марта 2002 г. по делу «Сташаитис против Литвы» (*Stasaitis v. Lithuania*), п. 67, жалоба № 47679/99).

147. Европейский Суд далее переходит к рассмотрению вопроса, не имелось ли в содержании заявителя под стражей проявлений произвола.

148. Учитывая изложенные выше выводы в отношении установления фактов по настоящему делу (см. выше п. 115), Европейский Суд считает: достойно глубокого сожаления, что столь мрачные методы были применены именно представителями государства, поскольку такая практика может лишь разрушать правовую определенность и формировать у людей чувство личной незащищенности, а также влечет за собой опасность подрыва общественного уважения и уверенности в местных органах власти (см., *mutatis mutandis* 11, Постановление Европейского Суда по делу «Гиорги Николаишвили против Грузии» (*Giorgi Nikolaishvili v. Georgia*), п. 56, жалоба № 37048/04, ЕСПЧ 2009-...).

149. Европейский Суд также подчеркивает, что содержание заявителя под стражей на решении, принятом в соответствии с национальным законодательством, основано не было. По мнению Европейского Суда, это просто немислимо, чтобы в государстве, где должен править закон, лицо могло быть лишено свободы в отсутствие для этого какого-либо законного основания (см., *mutatis mutandis* 11, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ассанидзе против Грузии», п. 173). Лишение заявителя свободы 15 апреля 2005 г. имело своей целью незаконную экстрадицию в обход отказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации в выдаче, а не «содержание под стражей», необходимое в ходе обычных «... мер по высылке или выдаче» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Боцано против Франции», л. 60).

150. Кроме того, содержание заявителя под стражей не было признано или зарегистрировано ни в каких реестрах или журналах учета задержанных или содержащихся под стражей, тем самым представляя собой полное отрицание гарантий на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренных в ст. 5 Конвенции, а также -серьезное нарушение указанной нормы (см.

Постановление Европейского Суда по делу «Кипр против Турции» (Сургус v. Turkey) [БП], п. 147, жалоба № 25781/94, ЕСПЧ 2001-IV).

151. При таких обстоятельствах Европейский Суд не может не прийти к заключению о том, что с момента задержания заявителя, имевшего место 15 апреля 2005 г., и до его передачи властям Таджикистана заявитель был произвольно лишен свободы официальными представителями Российской Федерации.

152. В свете вышеизложенного Европейский Суд делает заключение, что имело место нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 и СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

153. Ссылаясь на ст. 41 Конвенции, заявитель требовал 300 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного в результате умственных и физических страданий, которые заявитель испытывал после незаконной выдачи в Таджикистан. Кроме того, он требовал сумму в размере 4 140 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных им в Европейском Суде. В поддержку своих требований заявитель предоставил счета, отражающие размер гонораров двух его адвокатов. Кроме того, заявитель требовал обязать власти Российской Федерации обеспечить его освобождение из мест лишения свободы в Таджикистане и возвращение на территорию Российской Федерации.

154. По утверждению властей Российской Федерации, сумма, затребованная заявителем в качестве компенсации морального вреда, является чрезмерной и безосновательной и идет в разрез с практикой Европейского Суда. Власти Российской Федерации также заявили, что не были предоставлены доказательства того, что заявитель действительно уплатил адвокатам суммы, указанные в счетах. Комментарии по поводу требования заявителя вернуть его на территорию Российской Федерации властями Российской Федерации предоставлены не были.

А. Статья 41

155. Ст. 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

156. Европейский Суд признал нарушение ст. 3 и ст. 5 Конвенции в связи с незаконной выдачей заявителя в Таджикистан и его незаконным задержанием представителями государственной власти. Он признает, что заявителю был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован только путем признания нарушения. Поэтому Европейский Суд счел целесообразным присудить заявителю сумму в размере 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

157. Кроме того, в соответствии с судебной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в том случае, если было доказано, что они являлись необходимыми, фактически были понесены и являются обоснованными с точки зрения их размера. В настоящем деле, с учетом представленных документов и вышеизложенных критериев, Европейский Суд считает целесообразным присудить по данному пункту выплату в размере 3 000 евро, покрывающие расходы, связанные с рассмотрением дела в Европейском Суде.

158. Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

В. Статья 46

159. Европейский Суд считает, что требования заявителя в отношении морального вреда подпадают, главным образом, под ст. 46 Конвенции, которая гласит:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Вступившее в силу постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

160. Европейский Суд отмечает, что, в соответствии со ст. 46 Конвенции, Высокие Договаривающиеся Стороны обязались исполнять вступившие в силу решения Европейского Суда по любому делу, сторонами которого они являлись, при этом исполнение находится под контролем Комитета министров. Следовательно, *inter alia*, решение, согласно которому Европейский Суд устанавливает нарушение, налагает на государство-ответчика юридическое обязательство не только уплатить соответствующим лицам суммы, присужденные в порядке справедливой компенсации, но и, под контролем Комитета Министров, избрать общие и/или, если требуется, индивидуальные меры, подлежащие применению в рамках национальной

правовой системы в целях пресечения выявленного Европейским Судом нарушения, а также устранения, насколько это возможно, последствий указанного нарушения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии» (Scozzari and Giunta v. Italy) [БП], жалобы №№39221/98 и 41963/98, п. 249, ЕСПЧ 2000-VIII, и Постановление Европейского Суда от 11 октября 2007 г. по делу «Насруллоев против Российской Федерации» (Nasrulloev v. Russia), п. 95, жалоба № 656/06). В исключительных случаях характер установленного нарушения может быть таков, что индивидуальная мера, необходимая для устранения нарушения, может быть установлена Европейским Судом (см., для примера, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ассанидзе против Грузии», пп. 202-203).

161. Европейский Суд отмечает, что исполнение требуемой заявителем индивидуальной меры потребовало бы от государства-ответчика осуществить вмешательство во внутренние дела суверенного государства.

162. Учитывая обстоятельства настоящего дела, Европейский Суд не считает возможным установление каких-либо индивидуальных мер, направленных на устранение выявленных нарушений (см., *mutatis mutandis*¹³, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Муминое против Российской Федерации», п. 145).

С УЧЕТОМ ИЗЛОЖЕННОГО ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Признал* жалобу приемлемой;

2. *Постановил*, что имело место нарушение ст. 3 Конвенции;

3. *Постановил*, что имело место нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции;

4. *Постановил*,

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, вступления в силу постановления в соответствии с п. 2 ст. 44 Конвенции, следующие суммы, конвертированные в российские рубли по курсу, действующему на дату оплаты:

(i) 30 000 (тридцать тысяч) евро, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 3 000 (три тысячи) евро, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве возмещения судебных расходов и издержек;

(b) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента.;

5. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменной форме 23 сентября 2010 г. в соответствии с пп. 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь Секции Суда

Христос Розакис
Председатель Палаты